

УДК 82.161.1
DOI 10.25991/AE.2022.22.39.008

А. В. Святославский

Святославский Алексей Владимирович — доктор культурологии, профессор кафедры русской классической литературы, руководитель Центра русского языка и культуры им. А. Ф. Лосева Института филологии Московского педагогического государственного университета
orcid.org/0000-0002-4909-8323
E-mail: pokrov1988@gmail.com

ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРА В РОМАНЕ Н. А. НЕКРАСОВА И А. Я. ПАНАЕВОЙ «МЕРТВОЕ ОЗЕРО»*

В работе анализируется факт интереса к женской теме и проблеме дисгармонии в общественном положении женщины в творчестве Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой, в частности, на примере романа «Мёртвое озеро», написанного на рубеже 1840–50-х гг. Автор статьи полагает, что, с одной стороны, подобного рода интерес был связан с необходимостью писать развлекательные и неоправданно растянутые вещи для обеспечения подписки на журнал «Современник», с другой стороны, в работе предпринята попытка показать актуальность проблематики романа тому времени, в котором он создавался. Уход от схематизма в формировании характеров вполне соответствовал принципам зарождавшейся в те годы натуральной школы.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, А. Я. Панаева, женский вопрос, гендер.

Svyatoslavsky A. V.

THE PROBLEM OF GENDER IN THE NOVEL BY N. NEKRASOV AND A. PANAEVA “DEAD LAKE”

The paper analyzes the fact of interest in the female theme and the problem of disharmony in the social status of women in the works of N. Nekrasov and A. Panaeva, in particular, on the example of the novel “Dead Lake”, written at the turn of the 1840s-50s. The author of the article believes that, on the one hand, this kind of interest was associated with the need to write entertaining and unreasonably stretched things to ensure subscription to the magazine “Sovremennik”, on the other hand, the paper attempts to show the relevance of the problems of the novel at the time in which it was created. The departure from schematism in the formation of characters fully corresponded to the principles of the natural school that was emerging in those years.

Keywords: N. Nekrasov, A. Panaeva, women’s issue, gender.

Для Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой тема женской судьбы и связанных с нею проблем, вытекавших из социального положения женщины в России середины XIX века и отмечавших начало феминистского движения в стране, стала одной из основных. Можно предположить, что интерес к ней был одним из факторов сближения этих литераторов, помимо личной приязни, возникшей в начале их совместного пути. Немало отдельных произведений, строф и строк посвящено у Некрасова русской женщине — девочке, девушке, матери: «Русские женщины», «Саша», «Мороз, Красный нос», «В полном разгаре страда деревенская», «Еду ли ночью по улице темной», «Орина, мать солдатская», так называемый «панаевский цикл», и многое другое написано на эту тему.

Однако в силу повышенного внимания Некрасова к крестьянской женщине, к ее нелегкой доле, а также к проблемам гражданского служения в русле революционно- и либерально-демократической парадигмы, критика в первую очередь обращала внимание на проблему женского гендера у Некрасова в связи с тяжелым положением женщины-крестьянки и женщины из городских низов. Исключением явилась поэма «Русские женщины», которой

уделяли немало внимания в советское время, поскольку речь шла о женах тех, кого В. И. Ленин назвал первыми революционерами. На этом фоне меньше внимания доставалось анализу положения женщины в России в целом, каким оно представлено в некрасовском творчестве, включая гендерные аспекты дворянского, купеческого, мещанского сословия, где также далеко не все было благополучно, и в середине XIX в. остро встала проблема феминизма и связанного с ней движения эмансипации. Даже при анализе одного из высших достижений Некрасова, стихотворения «Рыцарь на час» (1862), литературоведы в первую очередь сосредоточивали внимание на покаянных словах лирического героя, стремящегося сменить круг «праздно болтающих» на «стан погибающих за великое дело любви», в то время как в стихотворении очень важен пронзительный диалог с умершей матерью, образ которой встает перед ним:

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других! [9, с. 137]

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00272 «Н.А.Некрасов: pro et contra. Личность, деятельность, творческое наследие Некрасова в оценках отечественных мыслителей и исследователей».

Нельзя не отметить того факта, что Некрасов оказался не только крупнейшим вдохновителем народничества как широкого идеологического движения («Вот было же время, когда поэты шли впереди революции», — заметил Пришвин по поводу эффекта от «Кому на Руси жить хорошо» [10, с. 5]), но, поддерживая В. А. Слепцова с его феминистскими проектами, — публичными лекциями, женскими мастерскими, «Знаменской коммуной», способствовал и практической деятельности по зарождению феминистского движения.

Уже в ранний период творчества, когда Некрасову приходилось для заработка писать развлекательные вещи невысокого художественного достоинства, он обратился к проблеме женской несвободы в повести «Жизнь Александры Ивановны» (1841), которая хотя и исполнена мелодраматизма, но уже заключает в себе не просто сочувствие женской судьбе, но преклонение перед духовной силой героини. Ради мачехи согласившись на брак с нелюбимым человеком, героиня повести Александра позднее осознает сам этот вполне тривиальный факт как преступление против любви, хотя соблазнитель невинности «пустой и ветреный» Орест Андреевич, в которого она влюблена, совершенно недостойн ее высокого чувства. У попавшей в трудное материальное положение Александры есть благодетельница-графиня, но идти к ней героиня не хочет, ибо лишь одно согласие выйти замуж за немца Карла Федоровича из материальных соображений, повергает ее в состояние непростительного падения: «Я соглашусь лучше ходить по миру, чем огорчить мою благодетельницу своим присутствием», — выражает героиня свое убеждение [6, с. 183]. Вместо счастливого конца, связанного с чудесным появлением графини, готовой избавить нищую и выгоняемую из дома семью от всех тягот, автор повести заставляет героиню гибнуть от стресса, пережитого в связи с потерей чувства собственного достоинства: «я не предпочла <...> честной бедности богатому бесчестью», — так она объясняет свое положение [6, с. 187], хотя брак с Карлом Федоровичем так и не состоялся. На первый взгляд, такой разворот событий кажется некоторой натяжкой, и повесть не вписывается в формирующееся направление натуральной школы, греша элементами развлекательного романтизма. Однако именно эти кажущиеся недостатки проявляют себя как попытка автора дать пример очень сильного и честного женского характера в российской печальной действительности, что вызывает уважение. Даже вполне положительная пушкинская героиня Татьяна Ларина не переживает на страницах поэмы свой брак с нелюбимым человеком в таких острых, доводящих до гибели, формах. В повести же Некрасова русская литература обретает образ столь щепетильной героини, которая способна не просто раскаяться в согласии на брак по расчету (хотя и здесь инициатива исходит от родственницы), но фактически осудить себя и назначить самой себе наказание, приведшее в итоге к гибели.

Естественный интерес к проблеме гендера проявляется уже в ранней прозе и Авдотья Панаева — в повестях «Семейство Тальниковых», «Степная барышня», «Пасека», а на рубеж 1840–50-х годов придается совместная работа Некрасова и Панаевой, выступавшей под псевдонимом Н. Станицкий, над романами «Три страны света» и «Мертвое озеро». Оба романа писались, по свидетельству авторов, для поддержания подписки журнала «Современник», в большой спешке.

Роман «Три страны света» (1848) менее важен для нас: хотя там есть любовные переживания в связи с образами Каютина, Полиньки, горбуна, художника Душников, однако, как отмечал В. В. Жданов, главы, посвященные главной героине Полиньке, «грешат мелодраматизмом, нагнетанием ужасов, хотя это и связано отчасти с их содержанием» [3, с. 60]. Впоследствии этому произведению в некрасоведении уделялось больше внимания, чем «Мертвому озеру», однако главной задачей этого романа-путешествия все-таки оставалась, по словам А. Н. Пыпина, реализация мечты Некрасова «дать образчики промышленного дела, к которому могли бы обратиться предприимчивые обрадованные люди, дела нового, вводящего в самую горячую среду народного труда» [11, с. 223], а проблема семейных отношений и женского характера лишь сопутствовала реализации главного замысла.

Роман «Мертвое озеро», который также критиковали за излишнюю развлекательность, тем не менее, дает читателю вполне реалистические психологические портреты людей 1840-х годов, и целый ряд семейно-гендерных коллизий, обращение к которым не потеряло актуальности до сих пор.

Замысел «Мертвого озера» датируется 1848 годом, последние главы были опубликованы в октябрьском номере «Современника» за 1851 год, а разворачивающееся в произведении действие относится к периоду 1820–40-х годов.

С первых страниц романа обращает на себя внимание тема семейного деспотизма. Это история Настасьи Андреевны, которая страдает от деспотизма мачехи, вплоть до того, что, потеряв из-за ее запретов любимого человека, решает навсегда остаться в девицах. Однако со временем все оборачивается так, что жертва тирании сама становится тираном по отношению к сироте-приемышу Ане, постоянно и намеренно отравляя ее жизнь. И в то же время ее сердце требует какой-то привязанности и объектом таковой становится другой приемыш — Петруша, на которого она обрушивает нереализованное чувство материнства, причем забота о любимом ребенке приобретает характер мелочного контроля и не идет на пользу воспитуемому. Боязнь того, что брат Федор Андреевич больше благоволит к Ане, стоит последней еще больших нападков со стороны Настасьи Андреевны. Таким образом реализуется знакомая по старым русским семьям схема, когда дети делятся на «любимцев» и «постылых», выражаясь языком Анны Павловны Затрапезной из «По-

шехонской старины» М. Е. Салтыкова-Щедрина. В финале романа и сама безобидная Аня превращается в мстительницу, желающую «отыграться» на бывшем своем благодетеле Федоре Андреиче, который в итоге разоряется на ее прихотях, но на старости лет получает от сделавшей артистическую карьеру Ани дотацию, позволяющую не умереть с голоду.

Примечательно, что в главах второго тома схема отношений повторяется: богатая барыня немолодых лет Наталья Кирилловна, буквально терроризирующая весь дом, не выносящая ни животных, которых убивают по ее указанию, ни живых цветов в саду, — проявляет какую-то болезненную любовь к племяннику Павленьке, прихотям которого покоряется домашний уклад.

Дом Натальи Кирилловны известен как приют сирот. Но «ее странности и тяжелый характер отдалили от нее почти всех из ее общества, к которому она принадлежала, и только люди, нуждавшиеся в ней, поддерживали с ней знакомство» [7, с. 301]. В отличие от Настасьи Андреевны, детство ее не было омрачено деспотизмом, напротив, она была до крайности избалованным единственным ребенком в богатой семье, что окончательно испортило ее характер.

Если непростая жизнь Ани смягчалась расположением Федора Андреевича, дедушки и привязанностью Павла, то у попавшей в дом Натальи Кирилловны в качестве приживалки Насти положение значительно хуже. Защиты от притеснений со стороны хозяйки и приживалок она может искать только у другого приемыша — Гриши, который хотя до поры и пользуется расположением барыни, но тоже живет на положении приживальщика. Впрочем, позднее она возвращается к отцу.

Отметим своего рода поляризацию женских образов в романе: они пребывают в определенной динамике, двигаясь в своих поступках и душевных движениях или к позитивному полюсу любви и верности, или, напротив, к полюсу социально-психологической деструкции, взрывающей гармонию межличностных отношений. Авторам удалось показать, что только сила характера, духовное напряжение, преданность принципам верности, проявляемая «слабой» половиной человечества, способны противостоять явному неблагополучию семейной и в целом социальной жизни. Ведь женщины-деспоты, женщины-интриганки, женщины-мстительницы могут оправдать себя обстоятельствами, в которые они были поставлены, начиная с детства. Безобидная страдающая Аня постепенно превращается на страницах романа в расчетливую, мстительную, жестокоую мегеру, желающую выместить свою боль за прошлое как на виноватых, так и на невиновных.

Типичные негативные черты женского характера отражены в образах приживалок Натальи Кирилловны. Между ними идет непрерывная грызня, плетутся интриги не только ради извинительного

желания компенсировать свое ущербное материальное и социальное положение, попав в категорию «любимцев», но со временем — уже просто для удовлетворения искаженных душевных потребностей.

После отъезда повзрослевшего Павленьки из дома более других Наталья Кирилловна отличает одну воспитанницу — дочь бывшего дворецкого Зину — в силу того, что именно ей Павленька уделял больше внимания. Зина неглуха, любит артистические импровизации, чем развлекает свою благодетельницу, а со временем активно включается и в плетение интриг в доме. Импровизациями занималась и сама барыня, время от времени вручая Зине узелок с ее вещами и выгоняя из дома, но, после долгих рыданий с целованием коленей, прощая и возвращая ей свое благоволение, так что влияние Зины на Наталью Кирилловну с годами росло. В образе Зины удачно показана героиня, которая и внушает сочувствие, и в то же время провоцирует читателя на осуждение ее в ряде эпизодов.

В восьмой части второго тома на страницах романа появляется образ еще одной юной девушки, которой предстоит пройти свой путь страданий. Это Люба, дочь помещика и цыганки. С юной Аней и Настей Любу роднит простота и чистота души, однако в ее образе авторы, проявляющие очевидную симпатию к цыганской культуре, демонстрируют такие черты характера, как твердость и верность принципам. Образ Любы противопоставлен образам столичных женщин и актрис, среди которых до знакомства с нею вращается Павел Тавровский и которые не только на сцене, но и в жизни уже привыкли не быть, а казаться, играя роли. «Простодушная доверчивость, ненапрянутая наивность и грация, не испорченная расчетливым кокетством» [7, с. 389], — все это пленило Павла Сергеевича в Любе. Связанные с цыганами главы романа, на наш взгляд, написаны более удачно в художественном отношении, чем, например, «театральные» главы. Помимо общего эмоционального колорита, диалогам героев и повествованию в них сопутствует описание природы, которая создает настроение, помогает формировать атмосферу, окружающую разворачивающиеся события.

Как известно, спор о принадлежности тех или иных глав романа Некрасову или Панаевой остался неразрешенным, и логика может заставить приписать «цыганские» главы перу Некрасова, однако проза раннего Некрасова не всегда совершенна в художественном отношении, а, с другой стороны, Панаева тоже проявила себя мастером слова, что вполне было оценено читателями после публикации ее «Воспоминаний». Вопрос об авторстве оставался в какой-то степени болезненным именно для Панаевой, которая могла навсегда остаться в тени своего знаменитого соавтора, однако порой критики высказывались в ее поддержку. А. Н. Пыпин считал, что в «Мертвом озере» «Некрасов принимал мало участия» [11, с. 232]. Ольга Кафанова придержива-

ется мнения, что «Панаева “отвечала” за любовный сюжет» и в «Трех странах света», и в «Мертвом озере» [5], а именно эти сюжетные линии и стали предметом нашего внимания. Остановившись на данном вопросе, не можем не обратиться и к результатам стилистико-статистических исследований, проведенных математиком А. В. Зенковым на материале ряда произведений русской классики, в том числе, совместного творчества Некрасова и Панаевой. Приведем заключение, сделанное исследователем: «1. Распределение первых значащих цифр числительных в частях “Мертвого озера”, приписываемых Некрасову и Панаевой, в целом схоже и сопоставимо с результатами для части “Трех стран света”, приписываемой Панаевой. Для “Воспоминаний” Панаевой получены похожие результаты. 2. Распределение первых значащих цифр числительных в части “Трех стран света”, приписываемой Некрасову, существенно отличается от трех указанных выше распределений, но схоже с результатами для ранней художественной прозы Некрасова. Не исключено участие Панаевой в написании и этой части романа. 3. Отсюда следует, что разные части “Мертвого озера”, вероятно, написаны одним автором, а именно — Панаевой, а разные части “Трех стран света”, действительно, имеют разное авторство. 4. Итак, нет оснований не доверять Панаевой в ее свидетельстве о процессе написания двух ее совместных с Некрасовым романов» [4, с. 69].

Возвращаясь «цыганским» главам романа, заметим, что в «Мертвом озере» цыганская тема решается в традиционно романтическом для европейской литературы XIX века ключе. Если Павла Тавровского в какой-то мере раздражает «дикость» цыганских нравов, то повествователь не скрывает симпатий к образам цыган. Отношения дружеской преданности, связывающие Любу и Стешу, Любу и ее молочного брата Илью, выглядят образцовым следованием принципам верности и альтруизма, принципам дружбы и любви. Чувство Ильи к Любе и есть несчастный случай лишенной эгоизма любви, любви в истинном значении слова. На вопрос девушки, может ли он пожелать ей счастья с Тавровским, Илья отвечает положительно, оговариваясь при этом: «Если он любит тебя». Однако беда в том, что чувство Тавровского к Любе не выдерживает испытания, будучи обычным преходящим увлечением. Люба готова следовать высоким принципам этики: «Илья, ты знаешь, как я люблю его, и ничто не заставит забыть его. Но я даю слово, что сама не пойду за него, если узнаю, что он обманул кого-нибудь», — говорит она [7, с. 432].

Как видим, здесь авторы уходят от тривиально понимаемых любовных коллизий, пытаясь осмыслить возможность любви как абсолюта: я его люблю, но я найду в себе силы уйти, если нарушены высокие принципы верности. В душе Любы уживаются до поры ее искреннее чувство к Павлу и ощущение того, что есть некие высшие принципы отношений, которые нельзя переступать. В литературе середины

XIX в. появление сильного женского характера, тем более, у молодой девушки, не может не обратить на себя внимания. Была, конечно, пушкинская Татьяна Ларина со своим «другому отдана; я буду век ему верна», но и образ Любы может войти в галерею лучших из плеяды «дотургеневских» девушек. Лиза Калитина из «Дворянского гнезда», также отказывающаяся от любимого человека в рамках высшей этики, появится позже.

С другой стороны, нельзя не согласиться с критиками, отмечавшими растянutosть и перегруженность ненужными деталями третьего, заключительного, тома, впрочем, причина этого была очевидна, и мы упомянули о ней в начале. При этом первые части первого тома, посвященные жизни в усадьбе Федора Андреича, напротив, кажутся нам в целом наиболее удачными. Они составляют как бы самостоятельное целое и могли бы обрести самостоятельность при соответствующей доработке, если бы не задача авторов бесконечно растягивать роман ради продолжающейся журнальной публикации.

Аполлон Григорьев, одним из первых откликнувшийся печатно на публикацию романа и оценивая полноту и верность женских образов, особо выделил Зину и приживалок, не заметив Любы [2, с. 368]. Так же не досталось места Любе и в рассуждениях Григорьева о концовке романа — здесь критик почему-то обратил внимание лишь на «счастливый» брак Ани (актрисы Любской) и друга детства Петруши по поводу которого писал: «Бессмыслен подобный конец, а не безотраден, каким может быть представляли себе его авторы романа — и не горькая трагическая ирония слышна в последних заключительных строках <...>, а пошлая издевка над своим собственным трудом, над недодуманными или недосозданными ими лицами» [2, с. 367].

Трудно возражать маститому литератору, но ведь уже само название романа фокусирует внимание читателя на иной сюжетной линии — связанной с Любой и ее гибелью, и именно эта сознательная гибель бросившейся в озеро героини, на наш взгляд, перевешивает значимость пошлого брака стареющей актрисы для финала и формирования общего впечатления от романа.

В образе Любы авторам удалось создать близкий к идеальному девичий характер, но героине не остается места в атмосфере фальши и обмана, она погибает. В метафизическом смысле гибель Любы, бросившейся в Мертвое озеро, выглядит как искупительная жертва, хотя повествователь связывает фактические перемены в оживлении проклятой местности с преобразовательной деятельностью Гриши и его семьи. «Бедная Люба, — читаем в эпилоге, — стала последней жертвой страшного озера, которое суеверный народ окружил чудными расказами и прозвал Мертвым» [2, с. 244]. Возможно, следует выделить этот образ, достойный занять место в галерее лучших женских характеров русской классики — как одно из главных достижений авторов в романе.

Определенным достоинством романа, на наш взгляд, стал диалектический подход к обрисовке женских характеров, когда отмеченная выше поляризация выглядит не статичной, а дана в динамике и в социальной обусловленности: многие образы способны одновременно вызвать у читателя не только осуждение, но и определенное сочувствие. А ведь, как отмечают О. В. Богданова и С. М. Некрасов, уже в зрелый период творчества Некрасов порой «рационально (и неправдоподобно) доводит до предела гнусность одних героев и мнимую праведность других» [1, с. 28], как это случилось в главе «Последыш» поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

Таким образом, в создававшемся для развлекательного чтения и поддержания подписки на журнал романе можно при желании найти немало как исторически обусловленного, так и вечно актуального, обратившись к теме женского гендера и семейной теме.

Литература

1. Богданова О. В., Некрасов С. М. Новые смысловые и аксиологические ракурсы поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Аксиологический диапазон художественной литературы: сб. науч. статей под ред. В. Ю. Боровко, Е. В. Крикливец. Витебск, 2020. С. 25–29.
2. Г. [Григорьев А. А.] Современник. № X. Октябрь // Москвитянин. 1951. № 22. С. 359–379.
3. Жданов В. В. Жизнь Некрасова. М.: Худож. литература, 1981. 239 с.
4. Зенков А. В. Новый статистический метод стилеметрии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 3. Ч. 1. С. 62–71.
5. Кафанова О. Авдотья Панаева между публичным и личным пространством // ILCEA № 29. 2017. URL: <http://journals.openedition.org/ilcea/4296>
6. Некрасов Н. А. Жизнь Александры Ивановны // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Т. 7. Художеств. проза 1840–1855. Л.: Наука, 1983. С. 164–194.
7. Некрасов Н. А. Мертвое озеро // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 10. Кн. 1. Л.: Наука, 1985. 480 с.
8. Некрасов Н. А. Мертвое озеро // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 10. Кн. 2. Л.: Наука, 1985. 416 с.
9. Некрасов Н. А. Рыцарь на час // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. Стихотворения 1855–1866. Л.: Наука, 1981. С. 134–139.
10. Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. М.: Новый хронограф, 2013. 968 с.
11. Пыпин А. Н. Н. А. Некрасов. М.: Директ-Медиа, 2014. 333 с. [Репринт. изд. 1905 г.]